

ДЛЯ НАРОДА, ШКОЛЬ И ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

Вас. Ив. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕННО.

Новая Земля и Вайгачъ.

Съ рисунками *П. Е. Литоценно.*

И з д а н і е 2-ое.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО СКЛАДА
Д. П. ЕФИМОВА.
Москва, Большая Дмитровка, домъ Бахрушинныхъ.

KE 32252

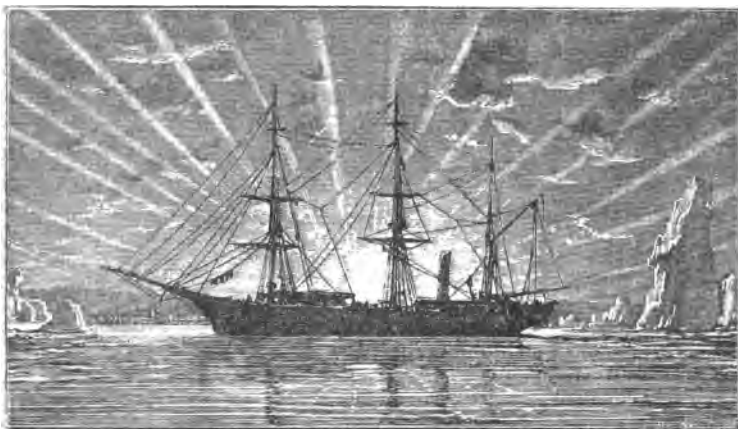

Sheldon

~~~~~  
Доволено цензурою. Москва, 23 Ноября 1902 года.  
~~~~~

МОСКВА.

Типографія М. Борисенко, Бол. Дмитровка, д. Дворянскаго Собранія.

I.

Новая Земля.

Только у насъ могутъ относиться такъ равнодушно къ малоизвѣстнымъ пустынямъ русскаго Сѣвера и Сибири. Только мы можемъ допускать, что весьма важные притоки рѣки Печоры и береговья рѣки, впадающія въ Сѣверный океанъ въ предѣлахъ, напримѣръ, Архангельской губерніи, обозначаются точками, да и опредѣленно нанесенныя на карту представляютъ иное теченіе. Спросите у кого угодно: что такое Новая Земля, и, за немногими исключеніями вы поставите вопрошаемаго въ глупѣйшее положеніе. При этомъ, разумѣется, вспомнится, что-то изъ учебниковъ географіи, мелькнетъ въ

памяти нѣчто изъ давно прочитанной и тотчасъ-же позабытой статьи,—но, въ сущности, ни одного основательнаго свѣдѣнія, ни одного вѣрнаго и осмысленнаго факта. О полномъ пониманіи и представленіи этого тысячеверстнаго острова, залегающаго въ неоглядную глушь полярнаго океана, — и толковать нечего. Еще упрекають русскихъ въ чрезмѣрномъ патріотизмѣ! Помилуйте, да какой патріотизмъ ограничивается одною фразой да глупымъ ломаніемъ будто бы народнаго, а въ сущности питейно-кабацкаго языка! На дѣлѣ же мы и о землѣ Русской имѣемъ самое смутное, самое отдаленное понятіе. Знаемъ, что гдѣ-то есть что-то, знаемъ, что край нашъ великъ и обиленъ, а чтó именно заключается въ этомъ величіи и обиліи—неизвѣстно. Мнѣ самому случилось видѣть, въ какомъ положеніи былъ *русскій* академикъ, котораго въ маленькомъ прусскомъ городкѣ сталъ спрашивать о Россіи любознательный нѣмецъ. Оказалось, что мудрый, имѣющій ученую степень россъ только знаетъ въ своемъ отечествѣ, что Петербургъ, а въ Петербургѣ—Невскій, Литейную да Гороховую. Зато нѣмецъ оказался знатокомъ нашей исторіи и этнографіи. Другой разъ великосвѣтская барыня изумила меня рассказомъ о томъ, что наши сибирскіе казаки назвали одну изъ

главнѣйшихъ рѣкъ Сибири въ честь именно греческаго бога—Купидономъ. Оказалось, впрочемъ, что она подразумѣвала рѣку Амуръ, и мнѣ пришлось разубѣдить ее въ мифологическихъ познаніяхъ первыхъ колонизаторовъ въ Сибири. Не мѣшало бы какъ можно чаще знакомить съ русскими окраинами, особенно сѣверными.

Итакъ — впередъ!

Впередъ, въ ту малоизвѣстную глушь, въ ту необитаемую пустыню, каменистые берега которой мало-по-малу удабриваются трупами нашихъ промышленниковъ, смѣло пускающихся на опасный промыселъ за тысячи верстъ отъ дорогихъ людей, дорогой семьи, отъ теплаго роднаго угла, на утлой щепкѣ, одиноко теряющейся въ подавляющемъ просторѣ Сѣвернаго моря. Впередъ! Переиспытаемъ всѣ ощущенія, всѣ встрѣчи, всѣ испытанія, ожидающія на берегахъ Новой Земли отважнаго морехода. На нашей сторонѣ, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что мы совершимъ это опасное плаваніе, сидя въ покойномъ креслѣ, у весело сверкающаго камина, а не на гребняхъ пѣнистыхъ валовъ, бѣгущихъ съ дикимъ ревомъ по безграничному океану, распустивъ по вѣтру свои бѣлыя гривы, словно безчисленные табуны нашихъ неоглядныхъ южно-русскихъ равнинъ.

Видъ Новой Земли.

Сѣвъ вѣ. Архангельскѣ на небольшую поморскую шкуну и оставивъ за собою Новодвинскую крѣпость, вы при благоприятномъ вѣтрѣ быстро выйдете въ открытое море. Подвигаясь далѣе къ сѣверу вдоль Зимняго берега, вы минуете островъ Сосновецъ и Крюковъ-Носъ съ другой стороны и, спустя два дня, проскользнете черезъ Бѣломорское горло, между Святымъ-Носомъ и мысомъ Канинымъ—въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Тутъ—оолько середина этого опаснаго плаванія. Черезъ нѣсколько дней вправо отъ васъ останется островъ Калгуевъ, куда иногда судно прибываетъ теченіемъ, причемъ, разбейся оно, то экипажъ погибнетъ, если, разумѣется, ему не удастся наткнуться на промышляющую партію самоѣдовъ. Но мы съ вами благополучно миновали всѣ опасности но вой Одиссеи и спустя мѣсяцъ или полтора, считая со дня выхода изъ гавани,—пристаемъ къ безлюдному каменистому берегу громадной Новой Земли.

Глушь.... пустыня.... безмолвіе....

На тысячи верстъ раскинулся этотъ континентальный островъ, то уходя въ глухо шумящія валы океана отвѣсными стѣнами мрачнаго камня, сквозь вертикальныя трещины котораго неудержимо несутся ревущіе потоки, то опускаясь къ тихимъ и безмятежнымъ заливамъ

песчаными и мѣловыми отложениями. Изрѣдка въ ихъ глубинѣ чернѣетъ убогая губа, гдѣ иногда останавливаются зимующіе здѣсь промышленники. Чаше вамъ встрѣтятся нѣсколько крестовъ группами. Здѣсь подъ кое-какъ брошенными курганами, въ промерзлой землѣ покоятся погибшіе отъ цынги и скорбута промышленники. Пріѣзжайте сюда осенью въ ясную, лунную ночь, и васъ поразитъ угрюмовеличавая картина этого длиннаго, безконечно длиннаго берега. Крутыя сѣрыя скалы мощно поднимаются изъ морской бездны. Чѣмъ дальше, тѣмъ выше и выше возносятся ихъ дикія и мрачныя вершины. Ползучая зелень изъ расщелинъ стелется по холодной поверхности гранитныхъ массъ. Кое-гдѣ жалкія, сухія былинки треплются вдоль черныхъ трещинъ откоса, серебряныя пятна лишайника матовымъ блескомъ выдѣляются при яркомъ свѣтѣ мѣсяца на агатовомъ фонѣ голаго камня. А тамъ далеко, далеко внизу ворчитъ и злостно вздымается пѣнистое море, словно подъ каменную пятою гиганта, въ послѣдней агоніи своей, неровно дышетъ и мучительно хрипитъ грудь побѣжденнаго титана.

Тутъ колыбель полярнаго моря. Какъ отчетливо рисуется этотъ берегъ передъ глазами случайнаго морехода! Вотъ круглый, похожій на

феодалную башню, утесъ. Такія башни и теперь еще попадаются въ бретонскихъ долинахъ. Онъ смѣло выдвинулся впередъ въ морскую даль — на борьбу съ величавою стихіей. Вотъ извилистые гребни разрушенныхъ скалъ изъ вывѣтрившагося камня. Словно базальтовые столбы, жмутся они одни къ другимъ, крутыми лѣстницами, террасами и площадками сходя внизъ. Они тянутся далеко, далеко. Издали они похожи на разбитые бомбами стѣны и дома осажденнаго города. Какъ будто уцѣлѣвшая между ними колоколенка, взбѣжавъ кверху, сіяетъ въ лунномъ свѣтѣ острый каменный шпигъ. Высоко въ голубой лазури теряется его холодная вершина. Когда же октябрьское или ноябрьское сѣрое небо низко нависнетъ надъ этою безпріютною стороною, ни одна тучка не проползетъ мимо, не оставивъ своихъ сѣрыхъ влажныхъ клочьевъ на этомъ утесѣ. Когда бѣшеная буря реветъ и мечется, охватывая и дикій берегъ, и дикое море цѣлымъ хаосомъ смятенныхъ, безформенныхъ тучъ, когда, какъ отклики невидимыхъ легионовъ, съ юга на сѣверъ, съ востока на западъ несется мощный громъ, заставляя дрожать эти гранитныя нѣдра, вершины утеса и привлекаетъ, и отбрасываетъ цѣлые снопы сіяющихъ ослѣпительнымъ глубокимъ свѣтомъ молній. Безчисленные ме-

теоры разрываются тамъ, наполняя всю окрестность своимъ грозовымъ трескомъ... Потухнуть молніи передъ новымъ ударомъ и кажется, что надъ острою вершиною каменнаго шпика скользять во мракъ какіе-то чудовищные фантомы, словно надъ нимъ вздымаются и носятся духи бури, избравъ своимъ престоломъ этотъ одинокій конусъ. Оттуда они какъ будто шлютъ свои боевые сигналы и небеснымъ амфибіямъ—гучамъ и морю, и невидимымъ дружинамъ, беспощадно сталкивающимся въ боевую толчею среди неогляднаго, тьмою окутаннаго небеснаго простора. Но какъ тихъ и покоемъ этотъ сумрачный берегъ въ ясные дни и ясныя ночи! Какъ ясно сверкаютъ, какъ быстро тухнуть и вновь вспыхиваютъ серебрянымъ свѣтомъ его каменные площадки и откосы подъ перебѣгающимъ, неровнымъ свѣтомъ полярнаго сіянія, на бѣломъ сегментѣ котораго таинственно рисуются фантастическія очертанія далекихъ скалъ и гребней! Только ворчливый рокотъ Сѣвернаго океана нарушаетъ торжественную тишь этой безлюдной ночи. Тамъ, далеко внизу—тамъ борьба и жизнь, а здѣсь спокойствіе и миръ... здѣсь—смерть!..

Ознакомившись съ первыми впечатлѣніями, производимыми Новою Землею, перейдемъ къ ея географіи.

Положеніе острова и берега его.

Новая Земля лежитъ между 70 и 77° с. шир. На западѣ крайняя точка ея достигаетъ 51 $\frac{1}{2}$ ° в. д. отъ Гринвича. Ея протяженіе на востокъ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ оно опредѣляется далеко не одинаково; извѣстно только, что сѣверо-восточный край этого острова во всякомъ случаѣ не заходитъ далѣе 79°. Хорошо изслѣдованы мореплавателями западные берега Новой Земли, остальные же на картахъ означаются точками, начиная отъ мыса Нассау, далѣе котораго не пойдетъ ни одно судно.

Новая Земля раздѣляется на двѣ неравныя части: меньшую, южную—до Маточкина Шара, и большую, сѣверную—отъ Маточкина Шара. Свенске въ своемъ описаніи Новой Земли, говоритъ, что названіе этого пролива произошло отъ слова — *маточка* (маленькій компасъ). Это неправда: Маточкинъ Шаръ называется *маточкинѣмъ* въ отличіе отъ другихъ мелкихъ ново-земельскихъ шаровъ, такъ, какъ онъ пересѣкаетъ всю *Матку*, то есть матерую землю этого архипелага. Новая Земля составляетъ какъ бы дальнѣйшее продолженіе отрасли Уральскихъ горъ.—хребта Пай-хо. Между нею и сѣверными отраслями послѣдняго лежитъ только островъ Вайгачъ, гористый и по строенію своему дѣ-

лающей эту гипотезу весьма вѣроятной. Два эти острова одинъ отъ другого отдѣляются Карскими воротами — проливомъ въ 12 миль шириною.

Вдоль береговъ Новой Земли лежитъ не мало острововъ, составляющихъ ея архипелагъ. Болѣе замѣчательными между ними острова Сахалинскіе, островъ Междушарскій, острова Храмова и Голецъ—всѣ въ южной части; затѣмъ на сѣверѣ за Маточкинымъ Шаромъ островъ Митюшевъ, островъ Вильгельма, островъ Берха, острова Панкратьевы, островъ Крестовый, острова Баренцовы и на крайнемъ сѣверѣ его Трехъ-островье. Восточные острова, за исключеніемъ острова Пахтусова и Мехреньгина, еще и не нанесены на карту. Кромѣ названныхъ воды новоземельскаго архипелага усѣяны массами мелкихъ островковъ и голыхъ скалъ.

Сядемъ опять на промысловое судно близъ Кусова Носа — крайней южной оконечности Новой Земли. Съ величайшею осторожностью станемъ подвигаться вдоль береговъ острова. По пути намъ не разъ встрѣтятся акулы, киты, бѣлухи, но не будемъ обращать вниманіе на этихъ гигантовъ воднаго міра. Первою гаванью, куда придется войти намъ, будетъ Тархова — крайне не безопасная для стоянки. Медленно плывя впередъ, бросая лотъ каждые четверть

часа, мы наконецъ доберемъ до якорнаго мѣста. Отсюда невадѣкъ—озеро прѣсной воды, сжатое холмистою мѣстностью, гдѣ зелень все-таки гуще, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ острова. Но вотъ подулъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ. Нужно пользоваться попутничкомъ. Слѣдующая наша стоянка—становище Кусово, у котораго впервые бросятся намъ въ глаза нѣсколько ветхихъ деревянныхъ крестовъ. Подъ ними мирно спятъ въ этой негостепріимной землѣ суровые труженики сѣверныхъ морей, сильные, отважные промышленники. Вблизи крестовъ глухо шумитъ океанъ, словно плещутся волны о силахъ, бесплодно схороненныхъ на этомъ берегу. А тамъ, гдѣ-нибудь далеко, далеко въ глуши нашего поморья, тщетно ждетъ убогая семья своего кормильца. И нищаетъ она и томится, пока не выростутъ новые труженники въ ея средѣ, которымъ, быть можетъ, также суждено безвременно лечь въ холодныя могилы—тамъ, въ этомъ уныломъ, безблюдномъ краю.

Но дальше, дальше! Ждать некогда. Скоро позамерзаютъ рѣчки, и у береговъ скопятся громадныя ледяныя глыбы. Судно затреть, а пожалуй и расплющить, какъ щепку. Придется поневолѣ остаться на зимовку. Впередъ! Вотъ мимо насъ мелькнуло устье губы Каменки, гдѣ

въ зиму съ 1832 на 33 годъ жилъ извѣстный мореходъ Пахтусовъ. Вотъ широкое горло Логиновой губы, которая на двадцать всрсть врѣзывается въ матерую землю, доходя въ нѣкоторыхъ пунктахъ до пяти верстъ въ ширину. Миновавъ заливъ Рейнеке, бросимъ якорь въ губѣ Саханиха, усѣянной островами и глубоко входящей въ гористые берега. Сюда впадаетъ и рѣчка Саханиха, гдѣ водится пропасть голецовъ. Въ прѣсноводныя озера и рѣки острова заходитъ не болѣе десяти видовъ рыбъ. Академикъ Бэръ объясняетъ отсутствіе постоянно водящихся тамъ рыбъ неимѣніемъ въ помянутыхъ рѣкахъ тѣхъ питательныхъ веществъ, которыми такъ богаты южные бассейны. Голецъ или по-архангельски голышъ—та же семга, но съ едва замѣтною чешуей, отчего и произошло ея названіе. Она мелкоросла и не бываетъ длиннѣе 13 вершковъ, при вѣсѣ въ 15 фунтовъ. Она поднимается сюда изъ моря, какъ и всѣ мѣстныя рыбы. Безъ нихъ эти рѣки и озера поражали бы промышленника полнѣйшимъ отсутствіемъ жизни. Гольцы водятся лишь по западному берегу Новой Земли. Ловятъ ихъ въ теченіе августа, когда прекращаются всѣ остальные промыслы въ здѣшнихъ становищахъ. Всѣ рыбы изъ породы семужьихъ стремятся изъ моря преимущественно въ

быстро текущія рѣки, подымаясь густыми стадами противу теченія вверхъ, для икромета. Промышленники въ это время перебрасываютъ черезъ рѣку канатъ, съ длинными жердями, затянутыми сѣткис. Въ этой сѣткѣ устраивается отверстіе, ведущее въ заготовленную ранѣе полость. Рыба толпится у сѣтей, напираетъ на нихъ и, желая пройти далѣе, одна за другою попадаетъ черезъ дыру въ вершу, откуда ее и собираютъ рыболовы. Г. Данелевскій говоритъ, что въ началѣ 30-хъ годовъ уловъ гольцовъ былъ чрезвычайно изобиленъ. Теперь далеко не то. Изъ важнѣйшей статьи мѣстныхъ промысловъ онъ сталъ незначителенъ. Только двое рыболововъ въ рѣчкѣ Нехватовой въ 1852 г.—исключительномъ по урожаю на рыбу, добыли гольцовъ до 900 пудовъ и бросили ловлю за недостаткомъ соли для посола. Впрочемъ и нынѣ средній уловъ ихъ доходитъ до 280 п. на судно. Въ тѣхъ же рѣкахъ ловятъ и окуней, а въ морѣ иногда попадаетъ треска.

Изъ губы Саханихи мы завернемъ въ становище губы Черной, по срединѣ которой выситя небольшой островокъ съ грудями плавнику. На немъ нѣсколько могилъ и купа крестовъ, неизмѣнно являющихся по всему пути вдоль ново-земельскаго берега. Отсюда, миновавъ губу Широчиху съ прѣсноводнымъ озе-